

18+

Александр Обоимов
Сергей Григорьев

Нереальные истории

Истории из жизни полярников, лётчиков,
моряков и других замечательных
представителей нашего общества

Александр Обоимов

**Нереальные истории. Истории
из жизни полярников, лётчиков,
моряков и других замечательных
представителей нашего общества**

«Издательские решения»

Обоимов А.

Нереальные истории. Истории из жизни полярников, лётчиков, моряков и других замечательных представителей нашего общества
/ А. Обоимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648401-6

Все, что написано в этой книге — чистая правда, с некоторой долей армейского юмора. Записано автором со слов героев. Иногда он сам был свидетелем данных историй.

ISBN 978-5-00-648401-6

© Обоимов А.
© Издательские решения

Содержание

РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВА	6
КАК ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ И НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ СПАСЛИ ПОЛЯРНИКА	6
РАБИНДРАНАТ ТАГОР ИЛИ ОПЕРАЦИЯ С НОВЫМ ГОДОМ	13
ЛАНДЫШ СЕРЕБРИСТЫЙ	18
ВОШЬ ТУНДРОВАЯ-САМЕЦ	23
БАЙКИ	28
ИДЕАЛЬНАЯ ВИДИМОСТЬ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нереальные истории
Истории из жизни полярников, лётчиков,
моряков и других замечательных
представителей нашего общества

Александр Обоимов
Сергей Григорьев

© Александр Обоимов, 2025

© Сергей Григорьев, 2025

ISBN 978-5-0064-8401-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВА

КАК ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ И НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ СПАСЛИ ПОЛЯРНИКА

Однажды, в одной из экспедиций мы побывали на заброшенной полярной станции Мыс Меншикова. Эта станция находится на самом юго-востоке архипелага Новая Земля, на границе между Баренцевым и Карским морем. Помимо метеостанции некогда здесь была и погранза-става и РТВшники, но все это также заброшено. Сейчас тут стоят пустые здания и покинутая техника. На этой полярной станции когда-то нес нелегкую вахту один из моих друзей-полярников Сергей Григорьев. Часы, проведенные в разговорах с ним о работе в Арктике дали мне много информации. А так как Сергей оказался прекрасным собеседником, то я только и успе-вал записывать за ним интереснейшие эпизоды арктической эпопеи. О некоторых из них я хочу рассказать в этой книге...

Полярная станция Мыс Меншикова (наши дни)

Лето 1978-го выдалось довольно жарким. Солнышко висело высоко над головой круглые сутки и весь личный состав полярной станции мыс Меншикова просто балдел от погоды. Иногда доходило до +10°C и народ выползал на крылечко в расстегнутых рубашках, покуривая гнусную черкасскую «Приму». Ожидался последний пароход с грузом для зимовки.

На станции уже месяца три не было повара, поэтому, когда из Амдермы пришла РД о том, что на пароходе прибывает кок – народ радостно взвыл. Готовить умели все и даже печь хлеб, но измотанные бесконечными вахтами, предпочитали единственное блюдо. На плите круглые сутки бурлило варево из оленины. В 20-литровый бак, вот уже третий месяц каждый вахтенный добавлял воду и бросал здоровенный кусок оленины. Просыпаясь, народ подходил к плите,

черпал со вздохом и хлебал. Этот бесконечный процесс всем надоел до чертиков, и поэтому весть о новом поваре взбудоражила всех. Вдобавок ко всему им сообщили, что это женщина. Серега Охрименко (Хрыма), сейчас он начальник ОГМС им. Е. К. Федорова на мысе Челюскин, дежуривший у передатчика, дважды переспросил базу и, узнав, что повариха не замужем, на радостях послал в эфир вместо 73 («спасибо, до связи») 99, что означает («целую»). Этому нимало был удивлен радист базы, который послал в «ответку» ТА ТА- ТИ ТИ—ТА ТА, что означает (совсем долбанулись).

Когда корабль начал выгрузку, на берегу выстроилась вся братия: Антоновский Альберт Михайлович – начальник, он же Алик, гидрометеорологи-радисты: Серега Охрименко (Хрыма), Саня Данилов (Данила), Сергей Григорьев (Серый), старший механик Павлов Петр Николаевич (Петруша), второй механик Игорек (Гурвинек) и наконец, постоянный гость полярки командир взвода «РТВшников» старший лейтенант Ковалев Сергей (Серега-старлей). Далее в группе сидели охрана станции: Дутик, Дима, Лайма, и строгий вожак Лаврентий – он же Лаврентий Палыч, он же Берия. Станционный котяра Чебураха, в драном тельнике, валялся на крыльце, вылизывая до блеска все, куда мог дотянуться.

Наконец от парохода отвалил катер, в котором сидела она! Было еще достаточно далеко и все рвали бинокль друг у друга. Петруша после просмотра, нервно сучил ногами и шмыгал носом. Видно было, как он волнуется. Катер уткнулся носом в гальку, и Петруша галантно протянул ручищу пассажиру. И было кому. С удивительно синими глазами, носом-кнопкой, прибыл новый член полярки. Она была хороша, особенно размерами. Около метра шестидесяти во всех трех измерениях. Ее могучий бюст рвал «хахатун» (так называли полярники куртки спецодежды). Кожаная ушанка боком «сидела» на копне рыжих волос. Красные резиновые сапожки на каблучке убивали начисто. И так, Петруша протянул ручищу и сделал шаг. Но, не тут-то было! Насрав на строгие дворцовые правила вперед ломанулся Берия-Лаврентий, и встав на задние лапы, тут же попытался «полюбить» повариху, благо «тестостерон» между задних лап выглядел весьма внушительно.

– Ни хрена себе встреча! – заржал матрос катера. Петруша сказал: «Миль пardon, мадам!» – и от души влепил Лаврентию сапогом по заднице. Берия упал в воду и, вследствие ее практически нулевой температуры его «достоинство» сморщилось. Потеряв вмиг интерес к женскому полу, Берия вернулся в строй.

– Здравствуйте! – Меня зовут Валя, – представилась мадам и грациозно прыгнула на берег.

Полярники рапортовали свои имена, шаркали ножкой и принимали мужественные позы.

– Мужики! – заорал матрос катера. – Принимай еще одного члена экипажа, – с этими словами он поднял над головой упитанного поросенка с очень счастливой мордочкой и черным пятном на задней части.

– Вот кого мы слопаем к Новому году! Ура! – Хрыма схватил свиненка и чмокнул его в лоб. Хрюн ответил ему тем же.

Прошло некоторое время. Наши вновь прибывшие обжились и попривыкли. Валюша – наш кок, исправно готовила, пекла хлеб, пирожки, отдраила камбуз и навела порядок в кают-компании. Вдобавок ко всему Валюша обладала прекрасным чувством юмора и полнейшим отсутствием музыкального слуха. Была она из Казахстана и, иногда, подперев голову рукой, страшно завывала, уверяя полярников, что так поет ее любимая певица Бибигуль Тулегенова. Завывала она это на казахском языке, со слезой в голосе. Петруша из солидарности присаживался рядом и, приняв зеркальную позу, пытался подвывать. Собаки на улице от этого вытья нервничали и покусывали друг друга. Никита, так полярники называли поросенка, поселился в теплой пристройке рядом с механкой и «от души» кормился. Во время чистки хором от навоза и замены подстилки Никита получал от дежурного пинка, и с радостью носился по территории станции, приставая к собакам. Псы долго не сопротивлялись и приняли в свою команду чокнутое и веселое создание. Через пару недель к моменту очередной уборки, у дверей Никиты собиралась вся свора, во главе с Берия и ждала выхода своего кореша на предмет погулять. Со временем Никита гулял с собаками целыми днями по станции, приходя только поесть и поспать. Да и вся полярка полюбили Никиту за веселый нрав и добрую натуру. Иногда Никита забредал в механку, где Николаевич ковырялся со своими железками и присаживался, умильно похрюкивая. Так они могли беседовать достаточно долго. После чего Петруша неизменно вздыхал, махнув рукой: «Эх, еп-тить! Вот она жисть какая, Никитушка! Недолго тебе осталось-то».

Наступила зима. И чем ближе к Новому году, тем грустнее становилось на душе у полярников. Каждый представлял «тот день». Обычно вахтенный и механик шли в свинарник и грохали постояльца. Потом опаливали, разделявали – все, как обычно. Но только не в этот раз! Никита стал почти родным, своим. А своих, как известно, жрать нельзя!

Дней за десять перед Новым годом Хрыма пошел на метеоплощадку, где необходимо было заменить пару термометров. Заодно нужно было установить новую ленту гигрографа, но по своей лени Серега не стал тащить в кармане заряженный «барабан», а просто взял с собой бумажную ленту. Термометры он потащил целой пачкой. Забравшись на лесенку будки, Охрименко заменил ленту самописца и положил ее на ступеньки. Снял спокойно показания остальных приборов и тут увидел, что около лесенки сидел с довольной рожей Никита и дожирал очередную термометр. Книжка данных метеорологических сроков была сжевана в мелкие куски.

– Мл-я-я-я-я! Убью, сученок! – Хрыма кинулся за вредителем. Никита, даром что свинья, понял, что сейчас последует расправа, с визгом рванул сначала к Петруше в механку. Сообразив, что там пути к отступлению будут отрезаны, он поскакал за баню, где обычно отлеживался Берия со своими «воробушками».

До сеанса связи оставалось пять минут, и Хрыма понимая, что передавать нечего рванул дверь начальника.

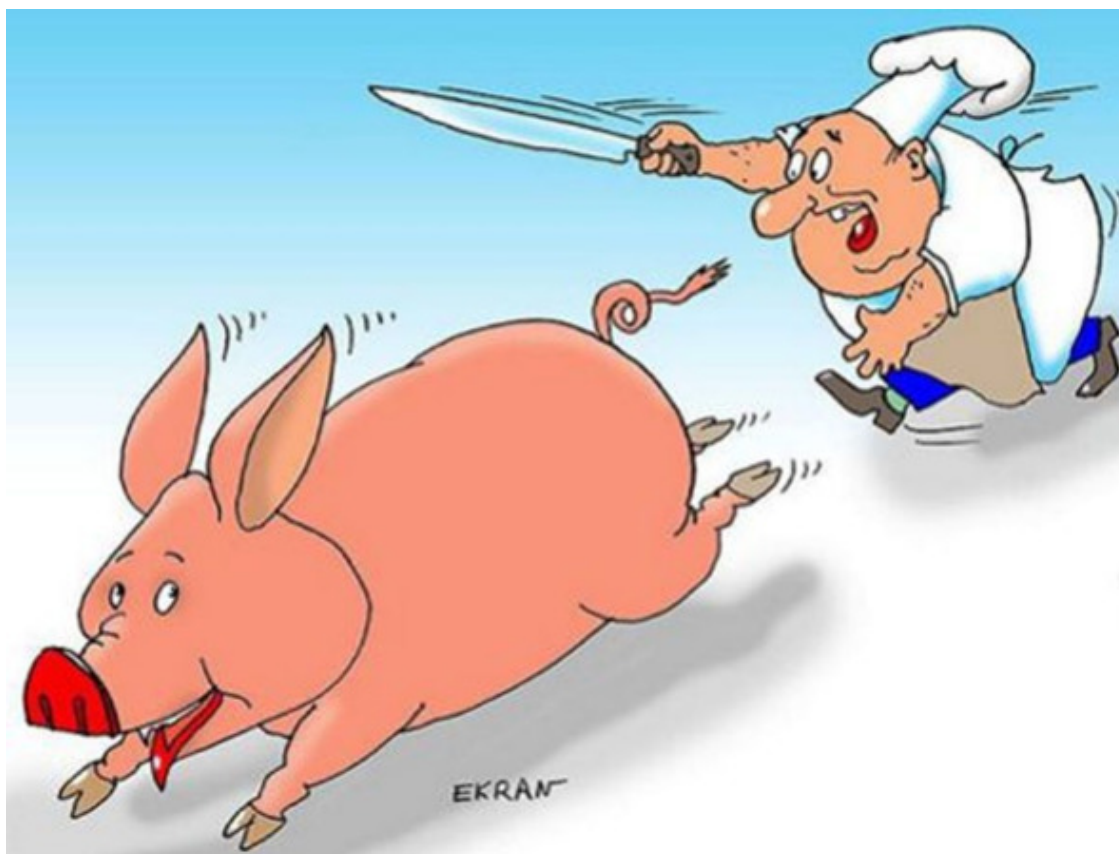
– Алик! – заорал он. – Все! Пипец! Никита все данные сожрал!

Алик приподнялся с дивана и задал идиотский вопрос: «А кто сегодня Никиту кормил?»

Наконец до него все дошло. Алик, как был в трусах и носках прискакал в радиорубку и сообщил на базу, что данных не будет, так как свинья сожрала все данные. В Амдерме не поверили и язвительно спросили, не рано ли коллектив полярной станции начал праздновать? Алик взвыл! Мало того, что накрылась премия, так на базе решили, что станция вся вдрызг пьяная! Этого он вынести не мог.

– Все! Кончат гада! Охрименко, берите нож и пиндюрьте! – Начальник полярки от волнения перешел на «вы».

В кают-компании повисла тишина. Валуша прекратила гремять кастрюлями и громко захлопала носом. Петруша, нервно покашливая, листал своего старика Рабиндраната. Даже Чебураха прекратил вылизывать свои прелести и уставился на всех. В этой гнетущей тишине Хрыма взял тесак и вышел за дверь. За ним выскочил Гурвинек. Не было их минут десять. Парочка вернулась и с дурацкой улыбкой сообщила всем, что «никак невозможно, так как Никита не хочет».

– Все! Без возражений, – Алик сделал строгий вид. – Расстрелять!

Валуша уронила противень. – За что? – завопила она?

– Ладно! – с этими словами Алик ушел к себе в кабинет. Минут через десять он вышел с бумагой в руке и зачитал приговор. Из него следовало, что за систематическое нарушение дисциплины и за порчу государственного имущества, за срыв программы метеонаблюдений кабана Никиту следует расстрелять! – Идите Петр Николаич! – Алик выдохнул. – Петруша обреченно напялил тулуп и пошел к выходу.

– Петр Николаевич, – позвал Алик. – А стрелять из пальца будете? – язвительно осведомился он. Механик вернулся и в рубке взял карабин. Хлопнула дверь. Команда опять застыла. Но через несколько минут Петруша вернулся и подтвердил, что Никиту стрелять нельзя, так как «он действительно не хочет».

– Вот и славно! – Валушка выскочила в коридор. – Тем более Никитушку и есть-то нельзя!

– Это почему?! – полярники все повернулись.

– Да потому, что он термометры сожрал! А какие термометры были? – она посмотрела на Хрымю. – Спиртовые или ртутные?

Сергеа наморщил лоб: «Не помню – там их много было». Все как-то слегка выдохнули, тем более что есть свинину с ртутью не очень хотелось. Было принято решение оставить Никиту до лета, а там, Бог даст, ртуть вся и выйдет. Приняв такое справедливое решение, весь коллектив полярной станции заулыбался и радостно загалдел.

Наступила весна, а вернее лето. Никита раскабанел, покрылся шерстью. Несмотря на сожранную ртуть, он ел с большим аппетитом и носился по станции вместе со своими друзьями собаками. Ел он из одних тазиков своих друзей, часто засыпал среди своры, уткнувшись пяточком в бок своего лучшего кореша – Лаврентия. За любовь к запаренной кукурузе полярники иногда называли его Никитой Сергеевичем.

Как-то раз, когда лед далеко отошел от берега, Николаевич поставил сети. Улов, хоть и небольшой, но был. Николаевич вытянул лодку и пошел к станции, до которой было не более двухсот метров.

Свидетельские показания

Я (Григорьев С. Б.), после передачи данных по 15 часовому синсроку вышел покурить на крыльцо. Вдалеке заметил, как к станции по берегу бежит наш старший механик Петр Николаевич. Он выражался матерными словами и обещал совершить половой акт с медведем, его мамой, его братьями и сестрой. За Петром Николаевичем бежал молодой медведь. Мишка бежал неспешно, тем более Николаевич бросал в него то шапку, то «хахатун». Вдруг из-за бани выскочила вся наша свора. Впереди всех неся Берия. Но самое интересное было в том, что справа от стаи на медведя заходил Никита. Он неся по всем правилам военного искусства, заходя на врага со стороны солнца. Картина была еще та! Медведь развернулся и побежал вдоль кромки воды, но когда увидел жирное и грязное нечто, которое несло ему наперерез, нервы медведя не выдержали. Он рванул в воду и поплыл ежесекундно оглядываясь. Петруша на крыльце хватал открытым ртом воздух и повторял: «Если б не Никитушка – то мне бы пипец»!

Вечером перед ужином начальник полярной станции торжественно зачитал приказ, согласно которому – « За мужество и героизм, проявленные при спасении своего товарища, Никита Сергеич зачислен в экипаж полярной станции мыс Меншикова. Поставлен на постоянное довольствие и никогда не будет сожран!» Народ встретил приказ аплодисментами и возгласами «УРА!» и «Слава КПСС!»

Через два года мой друг Сергей Григорьев летел с Колымы. В аэропорту Диксона случайно встретил Александра Данилова. Поболтали за рюмкой чая в буфете о том о сем. Зашла речь и о Никите. Оказалось, что приказ так и остался в силе. Никита продолжает наедать ряшку и по-прежнему дружит с Берией. Вот она жизнь. Лаврентий Палыч дружит с Никитой Сергеевичем, и никто никого не расстреливает.

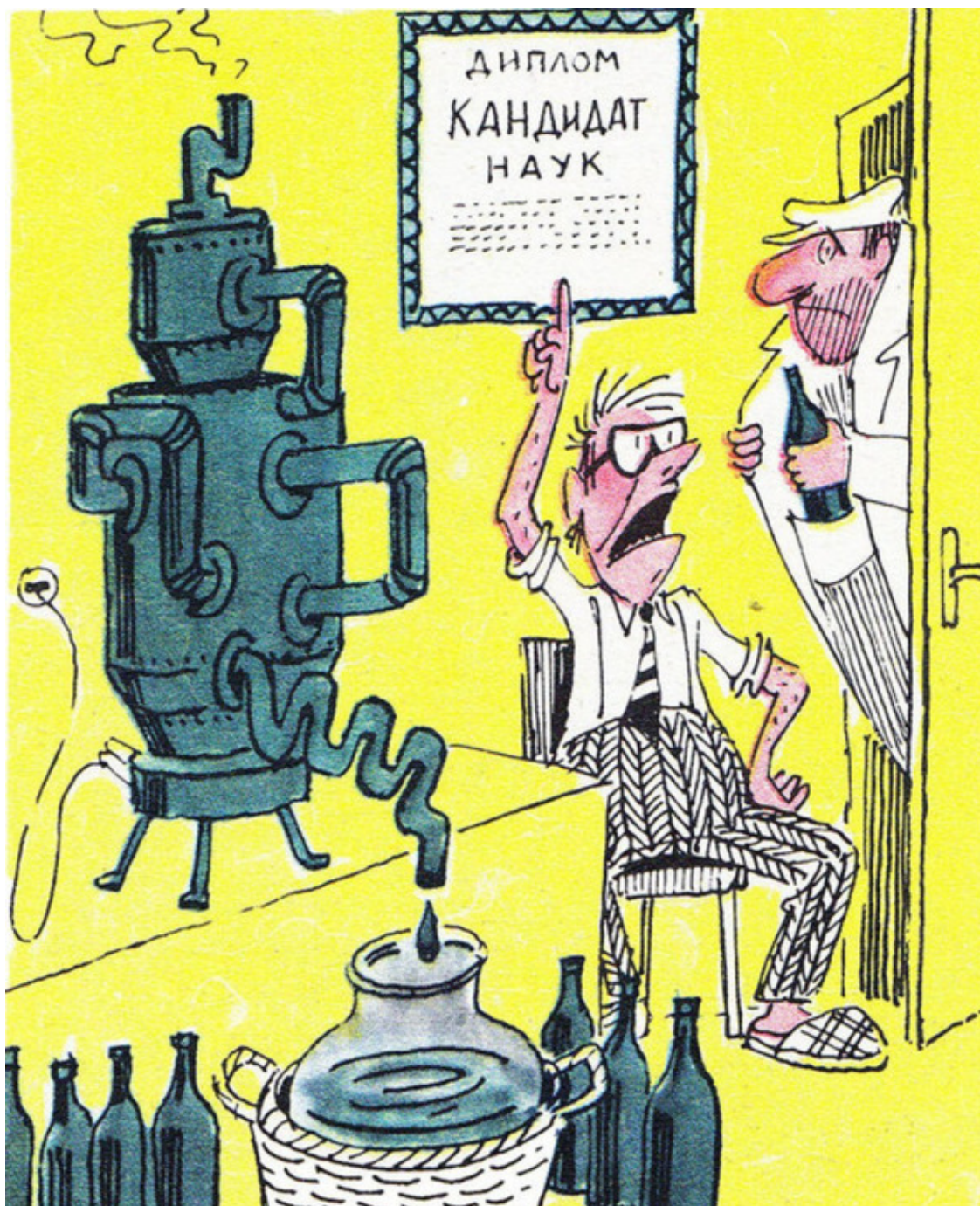
РАБИНДРАНАТ ТАГОР ИЛИ ОПЕРАЦИЯ С НОВЫМ ГОДОМ

Все, наверное, помнят фильм «День радио». Есть там одна фраза, которая загадочным образом попала в сценарий. Ведь человек, который произнес ее еще за тридцать лет до съемок фильма, никак с кинематографом не связан. Но все по порядку.

Это замечательное выражение мой знакомый полярник Григорьев Сергей услышал в далеком 1978 году, когда зимовал на полярной станции Мыс Меншикова. С его слов и написан этот рассказ со всеми подробностями.

Зимовочный состав полярки бурно обсуждали предстоящую новогоднюю ночь 1979-го года. Начальник – Альберт Михалыч или просто Алик, повариха Валюшка, четверо радистов гидрометеорологов и наконец, двое механиков. Среди всей компании особенно следует выделить, прежде всего, Валюшку, женщину необъятной окружности, добрую и тайно влюбленную в старшего механика Петра Николаевича, мужчину во всех смыслах выдающегося. Николаевич – здоровенный мужик лет пятидесяти пяти. Был он на все руки мастер, имел за плечами тридцать зимовок, в том числе две в Антарктиде и две на льдине СП. Имел Николаевич странную привязанность к творчеству писателя Рабиндраната Тагора, и привычку за ужином громко читать несколько страниц из его многочисленных трудов. В кают-компании, которая была и столовой и комнатой отдыха была большая библиотека но, Николаевич питал слабость только к старику Рабиндранату.

Итак, сидят работники полярки и обсуждают новогодний стол. Собственно, что будут есть и чем закусывать и так ясно. А вот что пить? Этот вопрос изводил полярников уже две недели. Метель не стихала и «оказии» в виде вертушки из Амдермы ждать не приходилось. А значит сидеть работникам «на-сухую» или почти. Весь запас хранившийся на складе составлял: две бутылки шампанского, бутылка коньяка и токайского полусладкого. И это было все.

Среди полярников в обсуждении принимает участие постоянный гость полярки Ковалев Серега – старший лейтенант. Серега командует взводом РТВшников, которые дислоцировались от полярки в 12 километрах. По случаю новогодних праздников Серега сидит в новой парадной форме, и тербит белогвардейские усики. Он приволок на праздник большую банку квашеной капусты, огурцы и пол-литра спирта. За всей этой суетой наблюдает станционный котяра Чебураня. По случаю праздника на него напялили майку, сшитую из старого тельника. Чебураха тарашит глаза, нюхает майку и вылизывает все свои прелести, так как в приготовлениях к празднику он участия не принимал.

– Мужики! Есть идея! – Николаевич поднял руку и все разом прекратили галдеж. – Мы на СП делали «грох»! При этом механик закатил глаза и причмокнул. Почему «грох» а не грог никто так и не понял, но Николаевичу почему-то все вняло.

– Так вот, – продолжил он, – спиртного было мало, а ходили мы все хорошие.

Все, конечно, бурно заплотировали и начали скандировать «Виват». Со склада было принесено все спиртное, три банки вишневого компота и две бутылки минералки. Николаевич отвел начальника в сторону и что-то втолковывал ему. Видимо Алик все понял, так как он долго тарачил глаза на механика, а потом довольно внятно произнес одно только слово «ох... но».

Итак, наступил долгожданный час. За столом собралась команда, наряженная в чистейшие нейлоновые рубашки. Кое-кто повязал галстук. Валюша надела белое платье в черный горох с рюшами, и механик не сводил с нее глаз. Он нервно шмыгал носом и иногда похрюкивал. Вообще атмосфера царила праздничная. За десять минут до Нового Года на стол торжественно взгромоздили громадную кастрюлю, в которую Петруша, с видом факира, стал сливать содержимое всех бутылок. Туда же улетело три трехлитровых банки компота с вишенками и минералка. Высокомерно оглядев народ, который молча наблюдал за манипуляциями, Николаевич достал аппарат. Чебураха перестал вылизывать все свои прелести и вытаращил глаза. Аппарат представлял из себя здоровенную дрель с какой-то насадкой, которую механик

смастерил на скорую руку из толстой проволоки. Сомнений не осталось – сейчас что-то будет. Напевая себе под нос какую-то мелодию, Петр Николаевич вставил это приспособление в кастрюлю и нажал кнопку.

Полярники, сидевшие за праздничным столом, не сразу поняли что произошло. В общем, кастрюля взлетела, и, вылив все содержимое на полярников звезданула по башке Чебураха, тот подпрыгнул на полтора метра и залез на фикус весь мокрый, в новой майке ставшей красной от компота. А, меж тем воцарилась тишина. Полярники сидели все в компоте с вишенками на голове и на плечах. Серега тарасил глаза на свою, ставшей розово-грязной, парадную форму. Николаевич стоял вытянувшись по стойке «смирно». Затем он аккуратненько положил на стол чудо-агрегат и произнес ту самую знаменитую фразу:

– Вот тебе, бабушка, и Рабиндранат Тагор, – и тихо добавил: «с Новым Годом!» Потом подумал и произнес вопросительно: «Мне пи... ц?»

Алик очухался, и, сняв вишенку с рубахи, подтвердил: «П...ц». Он поднялся, и молча, направился в радиорубку. Все знали, что там лежит ракетница.

Первая ломанулась Валюшка с криком: «Ой, Альбертик Михалыч, ой не надо!» Николаевич, проявив невероятную прыть, кинулся к выходу. Тут уж вскочил весь стол! Каждый хотел особо поздравить виновника торжества и впечатать ему пендаль в задницу. Но механики народ быстрый. С воплями Николаевич вылетел из дома и рванул в баню. Там он плотно закрылся, подперев дверь ломом. Пометавшись по станции, полярники вернулись в кают-компанию и стали думать. Наиболее горячие головы предлагали все-таки убить Петра Николаевича самым изверским способом, но нехватка хорошего механика крайне осложнило бы всем им жизнь. Тем более Валюша категорически была против.

Между тем наступил Новый Год. В кают-компании жутко воняло алкоголем, потому что весь стол, диван, книги было залито этим коктейлем. Чебураха с удовольствием слизывал все это благолепие. Морда у него была весьма счастливая и всем казалось, что он улыбается, как кот из «Алисы». Наконец Серега в обделанном мундире и мокрых галифе выдал: «У меня есть на обслуживание НЗ пять литров спирта. Но десятого едет инспектор с проверкой и если что, то мне пипец». Полярники тут же бурно начали его убеждать, что не допустят этого и грудью встанут на защиту своего друга. А если потребуется, то сунут инспектору пару-тройку песцов. Серега согласился с доводами. Надо было выезжать во вверенное ему подразделение и немедленно. Тут и дошло. Ехать надо было на старенькой ГТСке, которая слушалась и заводилась только у Николаевича. В связи с чем, в баню была выслана делегация во главе с Аликом и Валюшкой. Алик культурно постучал в дверь и клятвенно обещал никогда не убивать механиков, особенно, таких как Петр Николаевич – самый мудрый, опытный и незаменимый на обоих полюсах. Валюшка тарасила глаза на дверь и кивала. Николаевич в результате переговоров был возвращен и обласкан. Была поставлена задача быстро запустить транспортное средство и стонять с Серегой за огненной водой. Минут через 20, после заклинаний и обещания заправить ГТСку самым лучшим топливом на свете, наконец, они уехали. Холопы и челядь стояли на пороге кричали «Виват!» и подбрасывали шапки.

Прошло томительных три часа ожидания и совсем измучившиеся полярники увидели горящие фары, и услышали рокот мотора. Правда пируэты водила закладывал такие, что начало закрадываться невольно какое-то нехорошее подозрение. И оно подтвердилось. По мере приближения все отчетливее слышны стали залихватские матерные частушки в исполнении парочки. Наконец они остановились перед порогом в стельку пьяные и веселые. Довезли они меньше половины.

ЛАНДЫШ СЕРЕБРИСТЫЙ

Летом 1979 года Серега Григорьев возвращался из отпуска на свою полярную станцию Меншикова. Позади, было почти, три месяца безделья, гулянок и тому подобное. Слегка одуревший от благ Большой земли, он прибыл на базу в Амдерме. Был конец июля, солнце еще висело над головой сутками, свежий морской воздух с запахом паковых льдов приятно бодрил.

Амдерма, 70-е годы

Григорьев бросил свой тяжеленный багаж в общежитии прямо в коридоре, поскольку коменданта уже не было на работе. Был вечер, и кто-либо из мужиков должен был подойти. Ждать ему не хотелось, и он пошел побродить по поселку. О целостности багажа Сергей не думал, так как в ту пору воровство на Крайнем Севере, особенно на зимовках, было чем-то немислимым и каралось жестоко и мгновенно. Надо сказать, багаж был довольно ценным. В Питере у фарцовщиков на Галере он выторговал пять блоков американского курева, а у пьяницы и ворюги-мастера цеха с Красного Треугольника за трех песцов бартером хапнул десять вариаторных ремней от снегохода «Буран».

Итак, он прогуливался по поселку, по самой центральной улице. Как все дороги вели в Рим, так все закоулки и улицы Амдермы вели в ресторан. В полном смысле рестораном его сложно было назвать, он больше походил на салун из фильмов про ковбоев и очень Дикий Запад.

В полутемном зале за столами «гудел» народ: зимовщики, летуны и мариманы, всюду шла навигация, дым стоял коромыслом. Сергей присел на свободное место и сделал заказ. Собственно меню изучать было не нужно. Оно было постоянным и неизменным, как вечная мерзлота. Салат капустный, жареная оленина с картошкой. Водка, пиво и еще морс. Хотя все надиралось до безобразного состояния, эксцессов не допускалось. Полярники народ сильный и благодущный, поэтому, если какой-либо «первозимок» начинал выпендриваться, то быстро успокаивался посредством удара в «бубен», затем приведением в чувство и дружеским добродушным объяснением, в чем он не прав. Потом «молодого» от души поили огненной водой и внимательно наблюдали за дальнейшим его поведением, определяя, можно ли с таким зимовать или сразу отсылать на Большую землю.

Кто-то тронул Серегу за плечо. Позади него стоял и улыбался во все свои стальные зубы их «дед» – старший механик полярки Павлов Петр Николаевич, попросту Петруша.

– Серега, привет! Когда прилетел?

– Да только что. А ты-то что не на станции?

Петруша почему-то замялся. – Понимаешь, – доверительно начал он. – Понимаешь, что парохода на станцию все нет и нет. Уже вторую неделю.

Все понятно. Дело в том, что Петруша дико боялся летать. Вертолет, самолет, воздушный шар – все вызывало в нем жуткое чувство страха. Он делался бледным, говорил глупости и икал. Самолеты он люто ненавидел и называл по старорежимному – аэроплан. Так что из родного Липецка Петруша добирался паровозом до Архангельска и затем ждал караван с навигацией, который заходил в Амдерму, а еще лучше прямо к Новой Земле.

Полярники крепко «тягнули» и закурили «штатовских» сигарет. Между столами бродил сухонький старичок-ненец. Его знали все, это был сын знаменитого в давнюю пору первого «президента» Новой Земли – ненца Тыко Вылко. Дядя Ваня, так звали старичка, недавно снялся в эпизоде фильма «Великий Самоед». В эпизоде, без слов дядя Ваня сыграл чудно мудрого молчаливого ненца, дымившего трубку. Он этим очень гордился и поэтому третий месяц отказывался возвращаться к себе в стойбище к необразованным и далеким от высокого кинематографа соплеменникам. Поэтому дядя Ваня и бродил в кабаке, между столиками полярников. Периодически он останавливался у какого-нибудь столика, стучал по нему кулачком и спрашивал как-то утвердительно: «Я артист?! Артист?!» – народ немедленно соглашался, что дядя Ваня артист такой, каких свет не видывал, не просто артист, а великий! Остальные, сыгравшие в фильме ему в подметки не годятся. Правда, режиссер хороший мужик, но тоже не артист. Дядя Ваня выпивал, поднесенный стаканчик, и продолжал обход. После нескольких кругов он «вырубался» и добродушные мужики бережно укладывали дядю Ваню на лавочку у входа, заботливо накрыв кожушкой.

Сергей с Николаевичем, еще посидев некоторое время, решили прогуляться. Дойдя до магазина, механик решил затариться одеколоном «Ландыш серебристый». Понимая, что это минимум на зимовку, то есть на год, Петруша купил целую коробку. Он всей своей грубой душой старшего механика любил этот запах, отвратительный запах хреновой парикмахерской. Этот же запах нравился и лучшему корешу Петруши, котяре Чебурахе. После бани Петруша и Чебураха воняли ландышем на всю кают-компанию. Потом, парочка шла к себе в кубрик перестилать постельное белье. На этот счет у Петруши были свои мысли. Он брал на складе рулон простынной ткани и клал его вместо подушки в изголовье, предварительно отмотав на длину матраца кусок. Следующая баня и Петруша отрезал грязный кусок, отматывая следующий. Обычно к концу года под головой ничего не оставалось, и Петр Николаич шел опять на склад. Чебураха после походов по тундре и ловли лемминга лез на кровать с грязными лапами и наглой мордой. Соответственно простынь пачкалась с невероятной скоростью.

У входа в магазин стояли нарты запряженные оленями. На них сидели ненцы одетые, несмотря на довольно теплую погоду в свои малицы. Из лабаза с видом победителя выпал еще один ненец, держа под мышкой две коробки французского мужского одеколона. Сев на нарты, он достал ведро и сыпал все содержимое коробок туда. Серега с Петрушей остолбенели. Далее ненец взял камень и раздолбал весь одеколон к хренам собачьим. Петруша лаконично сказал: «Пипец!» Но все оказалось достаточно прозаично. Ненец обмотал ведро марлей и разлил содержимое в котелки. Далее начался пир, впервые в жизни полярники наблюдали, как сугудай и оленину запивают французским одеколоном!

– Насяльник! Насяльник! Серега оглянулся. Перед ним стоял малец ненец лет шести. В торбазах, малице и старой офицерской фуражке со сломанным козырьком, он являл собой нечто! Фуражка была явно велика, и если бы не уши, то слезла бы до подбородка. Малец явно хватанул одеколона, поскольку смотрел смело, даже не вытирая соплей: «Насяльник! Закурить

давай!?» Николаевич оторопел: «Ты чо куришь?» Малец шмыгнул соплей: «Иссе как! Петруша произнес свое традиционное: «Пипец!», – и выдал мальцу сигарету.

Полярники пошли в сторону общаги и на пороге встретили Леву Гальперина, летчика-наблюдателя с ИЛ-14 ледовой разведки.

– Мужики! Здогово! Вы откуда?

– Из отпуска, Левка. Давай заходи за встречу накатим по маленькой.

– Это с большой нашей гадостью, – Левка отчаянно картавил, так как был, понятное дело евреем. Это не мешало ему квасить, как русскому, Левка был уважаем, и считался нормальным мужиком и полярником. За стаканом выяснилось, что аэроплан Левки послезавтра вылетает на ледовую разведку, на обратном пути подсядет с небольшим грузом на полярку, на Меншикова. Возьмут и их. От этой новости Петруша взвыл. Петруша ждал парохода, он любил пароход. Он готов был плыть даже на «Гидрологе» – корыте древнем, как навоз мамонта, но выхода не было.

Наступил день вылета. Петруша ходил сам не свой, постоянно наведываясь на горшок. Наконец полярники загрузились в ГТТ и поехали на аэродром. По дороге Петруша подвывал, закатывал глаза и в который раз рассказывал Сереге, как в его родном Липецке его десять раз уговаривали остаться в должности завгара при горкоме, а он все не соглашался.

– Я мудака!? – вопросительно восклицал Петруша.

– Мудака! – соглашался Григорьев.

– Я плавать не умею! А если еб... ся!?

Как мог Серега успокоил Петрушу, объяснив, что если еб... ся, то, несмотря на лето, вода в проливе не выше плюс трех, так что все будет зашибись, утонут сразу. Петруша продолжал выть до самого самолета. Плотный увязанный багаж затолкали в грузовой отсек и расположились в креслах. Самолет выкатился на рулежку. Все сидели по расписанию спокойно, и только Петруша закатывал глаза и рвал на себя подлокотники. Неожиданно он радостно заорал, перекрывая гул винтов: «Ненцы – не дураки!» С этими словами он открыл свой портфель, в котором был заботливо уложен запас одеколона. Я понял его мысль, так как все спиртное находилось в чемоданах в грузовом отсеке. Петруша достал флакон «Ландыша», вздохнул и со словами: «Эх, еп-тить!», – начал трясти содержимое в рот, но дело шло плохо. Он обернулся к Сереге: «Ненцы-то не дураки! Камушек бы сюда, да марлю».

Когда набрали высоту, Петруша засадил третий флакон и, откинувшись в кресле, икал. В салоне воняло со страшной силой. Левка встал со своего места и подошел проверить, не умер ли Петр Николаевич. Петруша был жив, он сладко сопел, икал и посапывал.

Дверь кабины открылась и из нее высунулась голова второго пилота. Он нюхал воздух, как ищейка: «Лева!» – заорал он. – Какого хера так воняет! Что там у вас!?»

Левка сел на свое место у блистера и невозмутимо ответил: «Да вот, Константин Евгеньевич, стагший механик с Меншикова обосгался!»

Евгенич вылупил глаза и заорал: «Чем?! Одеколоном что ли?!»

– Нет, Константин Евгенич! Это я обгазно выгазился.

– Ну, ну! – Второй хлопнул дверью.

Несколько часов полета протекали однообразно и в штатном режиме. Только Петруша, иногда приходя в себя и взглянув в иллюминатор, произносил свое обычное: «Пипец!» – и осушал следующий флакон. Дошло до того, что перекрывая рев моторов, Петруша начал горланить частушки.

Из кабины выполз Константиныч: «Ну что, орелики! Скоро садимся!»

Петруша спал и пускал пузыри. Портфель был пуст...

Моторы заглушили, и Сергей увидел в иллюминатор «почетный караул» из его полярной братии. Собаки о главе с вожакom по кличке Берия сидели в рядок. Между ними, с видом инспектора, прохаживался в дранной полосатой майке, кот Чебураня. В радостном ожидании Валюшка-кок поправляла свой солидный бюст. Серега-старлей нарядился в чистую ПШ.

Дверь открылась, и Серега свалился в объятия своих ребят. Из проема высунулась голова второго пилота.

– Ну, полярники, забирайте своего деда Ландыша!

Ландыша Серебристого, Петрушу выволокли на руках. Он улыбался и пытался в качестве приветствия снова запеть частушки. Чебураха кинулся ему на грудь! Петруша радостно стиснул кореша и громко сказал: «Вот видишь, Чибричка! Я сделал это!»

Было все сказано так, чтобы народ понял, что это благодаря Петруше-герою самолет сел. Может быть, даже без хвоста и крыльев...

ВОШЬ ТУНДРОВАЯ-САМЕЦ

– Серый, вставай!

Григорьев вскочил с постели, и, не совсем соображая, уставился на склонившегося Саню Данилова. Была суббота прекрасного августовского дня. Полярная станция Мыс Меншикова потихоньку просыпалась, и ничего не предвещало каких-то важных событий. Из камбуза доносились ароматы выпекаемых блинчиков, которые варганила станционный кок-Валюша. За окнами лениво перебрехивались собаки. По-идее, все было нормально, если бы не загадочное выражение лица Данилы.

– Что случилось? Горим что ли?

– Не, – Данила склонился и прошептал – Корреспонденты летят из Москвы, точнее корреспондентки!

Сергея Григорьев только прилетел из отпуска и поэтому не сразу проникся радостью Сани. Дело в том, что основная команда полярки просидела без отпуска две зимовки и весть о прилете лиц женского пола взорвала мозг мужиков. Обычно в субботу на станции топилась баня. Валюшка пекла пироги, а вечером в кают-компани крутили «фильму». Фильмов было собственно три. Полярники их знали наизусть и могли озвучивать сами. Основным и самым востребованным был фильм «Черная береза». Двухсерийная мура, но одна сцена заставляла шевелиться все мужское достоинство народа. В этой сцене главная героиня абсолютно голая долго-долго убегает от «Мессершмитта». Толи летчик косой, толи задание такое, он стреляет и постоянно не попадает. Сцена пользовалась несомненным успехом. Фильм под разными предложениями останавливали и эпизод повторялся. После этого народ шел пилить и рубить дрова, дабы тестестерон не бил в голову.

Кадры из фильма «Укрощение строптивого»

Когда, наконец, весь дровяник был забит под завязку, и начальнику полярки надоело слышать ночами визг бензопилы и стук дровосеков, он затащил банки с киноленткой к себе в кабинет. Вторым шедевром была эпическая египетская драма «Звезды пирамид». Главную и несчастную героиню звали Аль-Собак а ее несчастного бойфренда – Абдулла. В общем, вся эта нудятина заканчивается тем, что она умирает от несчастной любви. Абдулла от горя уехал на верблюде. Убитый горем папа, закатив глаза, играет грустную мелодию на лопате с двумя

струнами и восклицает: «Мой Абдулла так любил Собак!» После этой фразы народ валялся под лавками и ржал до слез. Не меньшим успехом пользовался китайский шедевр «Пылающие джунгли». Там китайский полк целый месяц разрабатывал операцию по уничтожению пяти японских грузовиков с консервами. После пяти минут боя вдруг выяснилось, что патронов уже нет. Товарищ политрук Пао-Ли, раненый прямо в сердце бежит на базу в двадцати километрах и приносит целый цинк. Он умирает на руках у любимого командира. Полк, потрясенный подвигом товарища Пао-Ли, поет песни и громит проклятых япошек палками и ногами. Вот такой репертуар ожидал полярников в субботний вечер.

Но обо всем по порядку. И так, новость о девчонках-корреспондентках взбудоражила станцию. В кают-компании царило оживление. Хрыма и Данила шушукались, решая, кто достоин ухаживать за гостями. Петр Николаич в списки не попадал по причине страданий по Валюшке. Он строил ей глазки, требовал добавки и с готовностью выносил помои. Алик был начальником и поэтому должен был соответствовать положению. Григорьев только что прилетел из отпуска. Поэтому и так слишком «жирно». Гурвинек (второй механик) – молодой еще, первая зимовка. А вот по поводу постоянного гостя полярки Сереги Ковалева, командира вояк, вообще было сказано: «Кто такой старлей? Мы не знаем никакого старлея. И пусть командует у себя в подразделении! И еще он солдафон, грубая и невоспитанная личность!»

Парочка потенциальных Дон Жуанов определилась.

Радостная суета передалась даже котяре Чебурахе. По этому случаю, Петруша передел его в чистый тельник. Чебураня таскал тельник постоянно после того, как по-своему раздолбайству свалился в емкость с солярой. Соответственно вся шерсть у него вылезла, за исключением чубчика на голове. Сегодня Чебураня был нарядный. Он бродил по камбузу, хрипло мяукая и выпрашивая то кусочек оленины, то кусок рыбы. Валюшка стряпала заливного гольца, так что с едой у котяры было все в порядке.

Вертушка приземлилась после обеда. Вся команда стояла во-фрунт. Только ковровой дорожки не хватало и сводного оркестра.

Наконец открылась дверь вертолета и на землю спустились две молоденькие девушки.

Первая худенькая и высокая, ну, а вторая, как и положено невысокая пышечка. Борттехник подал чемоданы и просипел простужено: «Через три дня вернемся». При этом, посчитав, что полярники совсем тупые, показал три пальца. Хрыма подскочил к худенькой и подал руку: «Бонжур мадам», – выдавил он.

– О! Вы говорите по-французски? – удивленно подняла бровки худышка.

– Нет! Это все! – Хрыма потупил взгляд.

– О, уи, Серж! – еще один француз – Данила вставил свои пять копеек. С этими словами Саня схватил оба чемодана. Видимо он не ожидал, что багаж будет так тяжел, потому, что подняв чемоданы – опозорился. То есть, со всей дури пукнул, хорошо хоть «без мякоти»!

Петруша, стоящий рядом, нашелся, как выйти из неловкой ситуации:

– Будь здоров, Саша!

Потом, желая совсем разрядить обстановку добавил, обращаясь к борттехнику: «В последнее время такой керосин вонючий стал! И как вы только им zapравляетесь?»

Все заулыбались и, глядя вслед уходящему с чемоданами Даниле, радостно согласились.

Девчонок звали Лена (худенькая) и Оля (пончик). Обе выпускницы журфака, были стажерами Комсомолки, из самой из столицы направлены были на полярку, чтобы написать статью о тяжелых героических буднях настоящих полярников. По настоянию Хрымы и Данилы им выделили каждой по отдельному кубрику. Пока готовился праздничный ужин, девицы осматривали помещения станции. Их всюду сопровождал Чебураха. Гостей умилял бандитский вид котяры, его тельник и разноцветные глаза, готовность котяры каждые два метра падать на спину с целью окончательно обаять и почесать его лысое пузо, потрясли девиц. Они даже что-то записали в блокнот. Через какое-то время Лена и Оля спросили можно ли им прогуляться по тер-

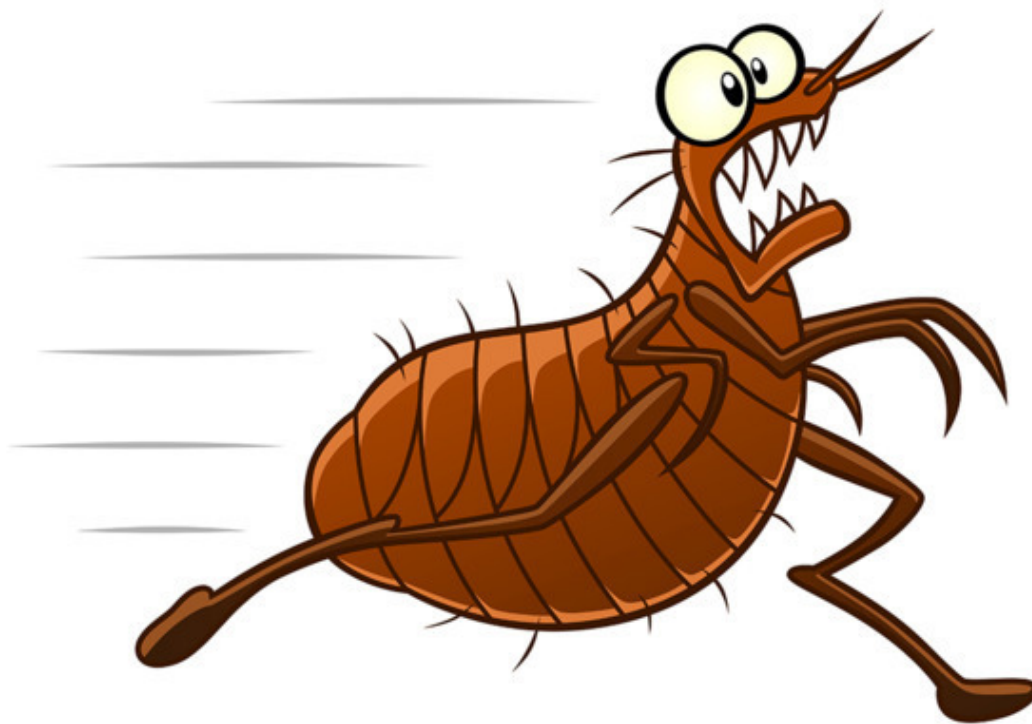
ритории станции. Окруженные сворой собак во главе с Лаврентием, они пошли в тундру. Сразу после их ухода Хрыма с Данилой собрали экстренный секретный курултай, из рубки доносились обрывки фраз и идиотский смех. Через час, девицы вернулись, и стали у крыльца очищать сапоги, чтобы не наследить в предбаннике. Тут-то к ним и выскочили оба «дон жуана»

– Ой-ой-ой, – запричитал Хрыма. – Нельзя на станцию! Никак нельзя!

Девчонки ошарашено смотрели на парней.

– Так, тундровая вошь сейчас в ягеле! Повсюду!

– Вот, вот! – запричитал Данила. – Эта гадость незаметно под кожу залезает и потом нарывы везде! – Данила горестно замахал руками.

Хрыма утвердительно кивнул головой. – У них сейчас период брачный и под кожу лезет вошь-самец, и этот самец незаметно впивается во все складки кожи, а потом все! Только больница!

У девчонок задрожали губы, и они растерянно спросили: «И что теперь делать?»

– В баню! Только в баню! – Хрыма указал рукой направление. – И еще, там, на полочке стоит банка с мазью. На запах внимания не обращайтесь, хорошенько разотрите друг дружку, а потом смоете. Это лучшее средство от тундровой вши. Полотенца там в предбаннике.

Не сказал только Хрыма, что мазь эту они с Данилой сами придумали и состав ее был совсем не лечебный. Отработанное масло с солидолом, смешанным с угольной пылью. Вонь еще та!

Тем временем в кают-компании стол был накрыт. Народ надел чистые нейлоновые рубашки, и даже Петруша, несмотря на ревнивые взгляды Валюши, повязал галстук. Правда, наряд несколько портили его любимые обрезанные домашние валенки. Хрыма с Данилой как-то неуверенно переглядывались между собой. С момента начала помывки прошло уже достаточно много времени, а девиц все не было. Алик, шагая по коридору, что-то бубнил себе под нос. Видимо готовил торжественную речь. Он считал, что от этого зависит, какую статью напишут в центральной прессе. Валюшка тем временем потащила на стол свое коронное

блюдо – заливное из гольцов. Чебураня от переполнявшей его радости кинулся ей под ноги и лег на спину. Валюша наступила на котяру, и тазик с заливным звезданул на пол. Куски прекрасной рыбы и желе разлетелись. Чебураха рванул прочь! Но валенок, пущенный твердой рукой Петруши, достал-таки гада! Сообразив, что за первым валенком последует второй, Чебураня обдирая когти, по стене и гладкой доске приказов взлетел на верхнюю полку книжного стеллажа. На самое безопасное место, туда, где стояли сочинения нетленного старика Рабиндраната.

– Ну, гад! Ну, придешь, сегодня ко мне ночевать! – заорал Петруша.

– Валюшка, тем временем оглядев всю эту картину полного разгрома, пошла на камбуз за совком и веником: «Лавруше и Никитушке отдам», – вздохнула она. – «А, кстати, где наши девушки?»

Хрыма с Данилой начали что-то мямлить про баню. Валюшка, недолго думая решила, что и ей не мешает ополоснуться. Она прошла к себе в кубрик и вернулась с чистым бельем и дефицитным импортным шампунем. Хрыма и Данила, предчувствуя, что-то недоброе ретировались в радиорубку.

Через три минуты Валюша вернулась. Она, молча, прошла на камбуз и вышла, держа в руках здоровенный половник. Затем уверенной поступью направилась в радиорубку. Послышалась какая-то возня. Первым выскочил Данила. Посредине лба у него на глазах у всех вырос тал рог.

– Ну, Валентина Ивановна! Ну, вы не правы! – с этими словами он убежал в дальний угол кают-компания.

Далее слышались еще два удара. Звук был приблизительно такой, с каким повара отбивают мясо. И уже Хрыма вылетел, держась за пятую точку.

– Ну, засранцы! Я вам покажу вошь тундровую! Я вам дам брачный период и самца!

С этими словами Валентина Ивановна удалилась в баню. Полярники, молча, с открытыми ртами проводили ее взглядом.

Через час женская половина вернулась. На удивление всем настроение у них было веселое. Валюшка отмыла Лену и Олю своим шампунем, и никто не вонял солидолом.

Ужин проходил по-доброму. Алик произнес торжественную речь. После второй чарки Леночка, ехидно улыбаясь, спросила Хрыму: «Сережа! А как вы отличаете тундровую вошь самку от самца?»

Весь стол заржал. Тем более, что по причине ушибленной пятой точки Серега сидеть особо и не мог. Дабы разрядить обстановку Алик, несмотря на гору колотых дров, вынес из кабинета «Черную березу», Гурвинек запустил аппарат и раза четыре повторял голый эпизод, каждый раз объясняя тем, что перемотка барахлит.

Настало утро. Серега Григорьев отстоял вахту, менял его Данила. Он пришел с синими от бессонницы кругами под глазами и размазанной губной помадой на лице. Хрымы на койке в общем кубрике тоже не оказалось. На его месте, развалившись на спине, спал Чебураня...

Пролетели трое суток. Лена и Оля подробно записывали все, что видели на станции. Когда собирались погулять по тундре, почему-то краснели и глупо хихикали.

Прилетела вертушка и забрала их на материк. Через некоторое время в «Комсомольской правде» появилась статья о героических полярниках. Даже про Чебураку было пару добрых слов. Потом приходили теплые письма Хрыме и Даниле. А потом Хрыма улетел в отпуск и женился на Ленке. Вот такая она оказывается тундровая вошь-самец!

БАЙКИ

ИДЕАЛЬНАЯ ВИДИМОСТЬ

По званию Серега Калянкау был сверхсрочник-сержант, по национальности – чукча. Когда начался ельцинский «парад суверенитетов», мужики шутили, что быть Сереге в случае внезапной независимости Чукотки как минимум Главкомом авиации, а то и Министром обороны Чукотки. Ибо чукчи, как малая народность от призыва в армию были освобождены, и Серега был бы в таком случае чуть ли не единственным среди них профессиональным воякой.

Сам по себе Серега был тихим, незаметным, дело свое знал, работая в одной из групп ТЭЧ, периодически попадал в наряды, где тоже звезд с неба не хватал, но и анекдоты про свою нацию никак не подтверждал. Нормальный средний «сверчок». Но была у Сереги мечта – стать прапорщиком. Для этого он три раза ездил в какую-то дальневосточную учебку, откуда его три раза выгоняли за нарушение режима, а проще – за пьянку. Причем, в третий раз выгнали его задень или два до вручения погон. Поторопились обмыть. Калянкау возвращался в часть и снова вел тихую, беззлетную жизнь младшего авиаспециалиста. С четвертого раза он все же через игольное ушко прошел и стал прапором, наверняка единственным в своем народе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.